

*В ПРОШЛОМ
НОМЕРЕ НАШЕГО
ЖУРНАЛА БЫЛА
ОПУБЛИКОВАНА
СТАТЬЯ
АНАТОЛИЯ
СМИРНОВА
«БОЛЬШИЕ
ОЖИДАНИЯ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ
ТОМУ, КАК
ОСУЩЕСТВЛЯЛАСЬ
ПОДГОТОВКА
К ВЫБОРАМ
В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
СОБРАНИЕ.
ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ВНИМАНИЮ
ЧИТАТЕЛЕЙ ВТОРУЮ
ЧАСТЬ ЭТОЙ СТАТЬИ,
ПОВЕСТВУЮЩУЮ
О САМОЙ
ПРОЦЕДУРЕ
ВЫБОРОВ И СУДЬБЕ
УЧРЕДИТЕЛЬНОГО
СОБРАНИЯ.*

ИТОГ

Анатолий Смирнов,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ

Выборы в Учредительное собрание было решено проводить на основе всеобщего тайного равного прямого голосования по пропорциональной системе, по партийным спискам. Только в малонаселенных и труднодоступных районах была предусмотрена мажоритарная система. Избирательные округа и участки образовывались с учетом существовавшего административно-территориального деления.

Избирательным правом пользовались все граждане России, достигшие 20-летнего возраста (предложение левых партий о предоставлении избирательных прав 18-летним не прошло), исключая уголовных осужденных и членов императорской фамилии. Романовых, таким образом, приравнивали к уголовникам.

Учредительное собрание должно было открыться с прибытием в столицу не менее 1/3 уже избранных депутатов. Право торжественного открытия предоставлялось главе Временного правительства. Собрание образовывало 18 отделов (политический, юридический, военный, экономический, бюджетный, социальный и др.) для предварительного обсуждения вопросов, которые затем предпо-

лагалось выносить на общее заседание. Пленарные заседания должны были быть публичными, если только депутаты не решат иначе. Наказ Учредительного собрания должен был быть принят им самим, основываясь на временном наказе, разработанном Юридическим совещанием. В ходе его подготовки участники совещания пытались добросовестно обобщить и свести воедино опыт законодательных учреждений Европы и наказ Государственной думы.

8 октября Юридическое совещание приняло «Временные правила об ограждении безопасности Учредительного собрания и охранении порядка в его здании». Для охраны личной неприкосновенности депутатов и всего Собрания его председателю придавались специальные воинские части; без требования председателя в зал заседания не могли войти никакие вооруженные люди, в радиусе одной версты воспрещались публичные сборища. За воспрепятствование «свободной деятельности Учредительного собрания посредством насильственных действий или наказуемой угрозы» грозила каторга.

Всероссийское Учредительное

собрание, по определению Юридического совещания, обладало всей полнотой власти. Но каковы его прерогативы? Должно ли оно ограничиться принятием конституции или стать своего рода Конвентом, то есть по существу чрезвычайным революционным органом, наделенным не только законодательной, но и исполнительной властью? Идея Конвента была отвергнута Юридическим совещанием, посчитавшим, что она «может привести к самому безудержному деспотизму». В качестве образца для будущей государственной модели России была избрана Третья республика, установленная во Франции в 1871 г. после разгрома Парижской коммуны. Это была республика президентского типа, с временным президентом как главой верховной исполнительной власти, с двухпалатным парламентом, что должно было придать устойчивость законодательной системе. Естественно, все эти наметки были лишь основой для последующей разработки законов Учредительным собранием. Но в них легко обнаружить стремление пересадить на почву российской государственности наиболее жизнеспособные побеги европейской республиканско-парламентской системы. Очевидно желание создать твердую власть, учитывая традиции российской государственности и массового правосознания.

В основу конституции предполагалось положить принципы народного верховенства, обеспечения местного самоуправления, признания и обеспечения широкой индивидуальной свободы граждан. Специальной комиссии Юридического совещания удалось разработать тексты отдельных статей и разделов будущей конституции, однако полный ее текст она выработать не успела.

Новая большевистская власть родилась не только с лозунгами мира и земли, по известной мифологии, но и с лозунгом Всероссийского Учредительного собрания на устах. Оно упоминалось в обращении Петроградского Военно-революционного комитета «К тылу и фронту» от 25 октября 1917 г., в воззваниях Петроградского Совета. Съезд Советов постановил «образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет имено-

ваться Советом Народных Комиссаров». Декрет о земле начинался с того, что вопрос этот во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Внешне все оставалось как бы по-прежнему: высшая законодательная воля принадлежала Учредительному собранию, новое правительство облекалось властными полномочиями только на переходное время, до его созыва. 27 октября Совнарком подтвердил, что выборы будут проводиться «в назначенный срок, 12 ноября», и призвал все избирательные комиссии, органы местного самоуправления, Советы и солдатские организации на фронте «напрячь все силы для обеспечения свободного и правильного производства выборов».

Распространенная прежде версия, будто большевики создали Учредительное собрание лишь для того, чтобы открыть трудящимся его контрреволюционное лицо, — всего лишь легенда. Прежде всего, у них практически не было выбора. Далее, легкость, с которой была одержана октябрьская победа, сочувствие социальных низов в лице городских рабочих и особенно солдат при отсутствии серьезного организованного противодействия других общественных сил, порождали иллюзию поддержки большинства населения. Именно иллюзию, хотя и стойкую.

Приход большевиков к власти, как ни странно, заметно осложнил их положение в предвыборной борьбе. На их головы обрушился шквал критического огня оппозиционной прессы, поток обвинений в узурпации власти, насилии над волей народа, над демократией, в губительном для страны социальном экспериментаторстве. В антибольшевистском концерте громче всех звучали голоса эсеров — центристов и правых. Если прежде они полагали, что борьба с большевизмом должна вестись лишь средствами пропаганды, то после 25 октября они возглавили движение за свержение власти большевиков. Большевики же считали недопустимой вооруженную борьбу внутри социал-демократии и ограничивались моральным осуждением.

В то же время левые элементы внутри социалистических партий остро критиковали руководство за уход со съезда Советов, за отказ от поиска компромисса

с большевиками. Необходимо, мол, единство демократии, иначе разгром оставшихся в одиночестве большевиков неизбежен, а с ним и крах всего дела революции.

Однако это мало облегчало положение партии, оказавшейся хотя и во власти, но по сути в политической блокаде, особенно чувствительной в провинции.

Вероятно, захват большевиками власти скорее уменьшил, чем увеличил их шансы быть достойно представленными в Учредительном собрании, но истинность этого предположения нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

В ленинских высказываниях 1917 г. рефреном звучала мысль, что исход выборов будет зависеть от того, кто будет контролировать работу избирательного аппарата. В этом был изрядный элемент самообмана или преувеличения, но следовало ожидать, что большевики, исходя из такой презумпции, сразу же постараются подчинить себе механизм выборов. На этой почве и возник острейший конфликт между Совнаркомом и Всероссийской комиссией по выборам.

Считается, что его инициатором была Комиссия. 27 октября она заявила о приостановке своей деятельности, отказавшись признать Совнарком и выразив протест против закрытия ряда оппозиционных газет. Эта демонстрация не могла, конечно, ни утратить новую власть, ни, тем более, устранить, но она грозила полностью дезорганизовать и без того нутужно работавшую избирательную машину. С мест поступали запросы и протесты: там складывалось убеждение, что новая отсрочка выборов только на руку большевикам и позволит им всю вину свалить на Комиссию. Действия же Комиссии были вызваны натиском Совнаркома, его вмешательством в выборы.

20 ноября Совнарком поручил Г.Петровскому и И.Сталину «взять в свои руки комиссию по Учредительному собранию с целью завладеть всеми документами для ориентировки в положении вещей». Этот шаг следует оценивать в свете приближавшегося 28 ноября — дня официального его открытия, торжественно подтвержденного декретом СНК от 27 октября. Члены Комиссии отказались сотрудничать с эмиссарами правительства. 23 ноября они были арестованы «за сабо-

таж». Авинов, Набоков, Вишняк, Брамсон, Нольде и другие были переведены из Таврического дворца, где размещалась Комиссия, в Смольный. По-видимому, в Совнарком считали, что устранение Комиссии уже не отразится на выборном процессе, — «мавр сделал дело». Комиссаром Учредительного собрания был назначен М. Урицкий, получивший широкие полномочия по смещению и назначению членов Комиссии.

Расформирование Всероссийской комиссии нанесло тяжелый удар по выборному делопроизводству. Окончательно распались связи с избирательным аппаратом на местах. Выборы шли теперь без общего плана и руководства. Урицкий взял под контроль своей канцелярии продолжавшие поступать в адрес Комиссии донесения и телеграммы, но его служащие были некомпетентны в этих вопросах. Почти перестала поступать в центр статистическая информация. Судьба Всероссийской комиссии в политическом смысле послужила прозрачным намеком для будущего Учредительного собрания.

Воскресным утром 12 ноября началось голосование в десятках тысяч избирательных участков. Согласно Положению о выборах, оно должно было закончиться в 14 часов 14 ноября. Несколько иные сроки были установлены для фронтовых округов: на Северном, Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах голосование начиналось 8 ноября и должно было продолжаться неделю, на Кавказском фронте, с его особо сложными природными условиями — с 1 по 14 ноября. На избирательных участках при железных дорогах продолжительность выборов была продлена до семи дней. Уложить все голосование в один день, как это делалось в Западной Европе, в России было немыслимо.

В первый день голосования Комиссия направила в редакции газет информацию о положении дел, судя по которой выборы начинались своевременно в 45 гражданских округах из 73, то есть предполагалось уже 12-14 ноября избрать более половины депутатов. В сводке говорилось, что события конца октября прервали связи местных учреждений с Петроградом и вызвали в ряде местностей вооруженные столкновения. Поэтому выборы не

смогли начаться вовремя даже в таких благоприятных по своему географическому положению округах, как Московский столичный, Минский, Тульский, Казанский. Однако общий тон сводки был спокойно-оптимистический. В самом деле, трудно было представить тогда, что вместо двух-трех недель выборы затянутся на долгие месяцы, а где-то вовсе не состоятся.

В целом же выборы в Учредительное собрание растянулись более чем на три месяца. Первыми они состоялись на Камчатке. От пустынного полуострова, где было менее 20 тыс. избирателей, пола-

гался один депутат, и выборы были мажоритарными.

Депутатом был избран областной комиссар. То был прообраз общей победы эсеров.

Последний выборный аккорд прозвучал на Кубани только в феврале 1918 г., спустя месяц после разгона Учредительного собрания.

От Камчатки до Кубани — эти понятия как бы охватывают не только географию и хронологию, но и политический срез общероссийских выборов, обозначают их рамки. Проходившие на громадных евразийских пространствах, они охватили целую эпоху, названную Лениным «триумфальным шествием Советской власти». Был ли это триумф? Сомнительно. Но для свободного волеизъявления это было не лучшее время.

Выборы происходили обычно в лучших зданиях городов и сел, в

помещениях городских и земских управ, театров, гимназий, школ, судебных учреждений, волостных правлений, пожарных депо. Местоположение избирательных участков легко угадывалось по веренице граждан, по характерному обилию агитационных плакатов, воззваний, объявлений. Земля вокруг была усеяна обрывками избирательных записок и прочей бумаги. Заборы, стены домов были исписаны различными призывами. Красные флаги подчеркивали праздничность дня.

Сама избирательная процедура была следующей. Избиратель заранее должен был получить

образцы всех бюллетеней и именное удостоверение. Придя на участок, он отмечался в списке избирателей и получал конверт с печатью участковой комиссии. В закрытой кабине он вкладывал в него «свой» бюллетень, заклеивал конверт и передавал председателю комиссии, который опускал его в урну. Нередко случалось, что он клал в конверт все избирательные записки, и тогда его голос считался недействительным. Более простым считался способ голосования шарами, который допускался в самых культурно отсталых округах, в частности, в Якутии. Держа шар в правой руке, избиратель должен был подойти к каждой урне по порядку кандидатских списков и опустить в нее сжатую руку. При этом он опускал шар в ту урну, где был наклеен нужный список.

Положение о выборах запрещало использование передвижных

урн во избежание злоупотреблений. Всероссийская комиссия по выборам неизменно отклоняла все ходатайства местных комиссий на этот счет. Голоса протеста против «излишнего формализма» особенно настойчиво раздавались из степных районов Казахстана, где разбросанное по становищам население, прежде всего, не имевшие теплой одежды женщины, в декабрьские морозы и бураны по существу отстранялись от участия в выборах. И все же почти поголовное голосование в этих местностях заставляет думать, что кое-где избирательные комиссии сквозь пальцы смотрели на «излишний формализм».

Это привело к тому, что полных официальных данных о результатах выборов нет. Прделанная историками (М.Спириным, Л.Протасовым и др.) работа отражает итоги голосования по 75 (из 81) избирательным округам.

Обратимся к этим сводным итогам. Всего в 68 тыловых и 7 фронтовых округах было подано 48 401 982 действительных голоса. Неучтенными остались до 2 млн. избирателей в пределах Бессарабского, Херсонского, Таврического, Подольского, Терско-Дагестанского, Ордынского, Прикаспийского, Степного округов, где выборы имели место. В 1917 г. их голоса не были услышаны.

Из этого числа больше всего избирателей проголосовало за эсеров – 19 110 074 человека, или 39,5%. Далее голоса распределились так: большевики – 10 889 437, или 22,5%, кадеты – 2 180 488, или 4,5%, меньшевики – 1 522 467, или 3,2%, энесы – 439 200, или 0,9%. Кроме них, свыше 7030 тыс. голосов собрали разнородные социалистические списки, принадлежавшие главным образом национальным партиям неонароднического и социал-демократического толка, что дало в общем итоге 14,5%. Еще 4670 тыс. голосов приобрели национальные партии и списки несоциалистического характера, автономистского и федералистского толка (9,6%). Остальные 5% достались конфессиям, кооперативам, казакам, областникам, праволиберальным и консервативным спискам, Советам и пр.

И с арифметической, и с политической точки зрения победа эсеров на выборах неоспорима. Еще в июне один из их лидеров, С.Маслов, предсказывал, что не

менее 60% учредителей будут членами фракции ПСР. Этот успех можно назвать абсолютным, если к голосам ПСР приплюсовать не менее 5 млн., поданных за эсеров украинскими, татарскими, чувашскими, молдавскими, эстонскими избирателями, что давало еще около 11%. Хотя их политические позиции не во всем совпадали (украинские эсеры, например, откололись от ПСР и были в оппозиции к Временному правительству), в целом это было голосование за народнические партии. Таким образом, эсеры могли контролировать не менее половины депутатских мандатов в Учредительном собрании и держать в своих руках решение вопросов в самом Таврическом дворце. По подсчетам Л.Протасова, среди избранных депутатов 342 человека прошли по партийным эсеровским спискам, а еще не менее 90 эсеров – по иным спискам (к примеру, член ЦК В.Чайкин – по общеферганскому списку).

Правда, нельзя забывать, что эсеровское большинство Учредительного собрания, по сути, распалось на противоборствующие фракции левых, правых и

центристов. Как писало одно эсеровское издание, начиная с 25 октября левые социалисты-революционеры играли глупую и унижительную роль придворных критиков «их величеств» Ленина и Троцкого. Большинство депутатов-эсеров было избрано по общепартийному «чистому» списку. А по своему фракционному составу левые получили всего 40 мест. Поражение левых эсеров не было случайным: в деревне их не знали, громких имен, кроме М.Спиридоновой, среди них не было, а главное – у партии не оказалось своего лица. Симбиоз эсерства с большевизмом объективно не вписывался в политический интерьер России, и последующие события это подтвердили.

Еще менее удачной была попытка самостоятельного выступления правых эсеров. Максимального процента голосов они добились в Симбирской губернии (где они проводили Б.Савинкова) – 8,3, около 4% имели в Харьковской (Е.Брешко-Брешковская), в остальных округах счет шел на десятые доли процента. И левые, и правые эсеры смогли провести своих кандидатов в Учредительное собрание только по общепартийным спискам. Но это вовсе не означало, что победа эсеров была бумажной, призрачной. Они первенствовали в 52 округах, причем в 33 округах собрали свыше половины всех голосов, а в Алтайской, Архангельской, Пензенской, Ставропольской, Томской губерниях завоевали все депутатские места – общим числом 39. Обозначим очаги их повышенного влияния. Это Север России – 65-75%, земледельческий Центр – 63-82%, Волжско-Вятский регион – 54-67%, Западная и Средняя Сибирь – 65-90% в разных губерниях. За пределами территорий компактного влияния также имелись эсеровские «оазисы»: Могилевская губерния – 71%, Ставропольская – 89%, Забайкальская область – 59% и др. На Украине всюду украинские и русские эсеры, вместе взятые, получили более половины голосов, при этом соотношение полученных теми и другими мандатов было 69 к 38.

Есть известные основания рассматривать голосование большинства населения страны за эсеров как выбор (хотя и не вполне осознанный) в пользу

Исход выборов в Учредительное собрание показал, что подавляющее большинство граждан России не разделяло большевизма как доктрины и не одобряло его власть.

центристской линии, которую олицетворяли в 1917 г. Чернов, Авксентьев, Керенский. Но если это и выражало субъективные настроения и пожелания электората, то объективно это стало невозможным. Время политических компромиссов было упущено, и настала та критическая точка революции, когда сам центр, еще недавно казавшийся надежным буфером между политическими полюсами, разваливался на глазах по причине поляризации и собственного бессилия. Партия центра стала партией борьбы, превратилась в главную оппозиционную силу. ЦК ПСР призвал к свержению власти большевиков, А.Гоц заявил, что во имя утверждения власти Учредительного собрания партия вновь готова прибегнуть к террору. Тем не менее эсеры не имели морального права рассматривать голосование за себя как мандат на ведение гражданской войны. Отчасти поэтому сами эсеры предпочли устранить власть большевиков мирным путем – через Учредительное собрание.

Меньшевики – другая партия центра – не тешили особыми надеждами на исход выборов. В сентябре «Новая жизнь» высказала предположение, что социал-демократы проведут в Учредительное собрание около 50 депутатов, если их не поддержат крестьяне. Реальность оказалась куда печальнее: было избрано лишь 15 меньшевиков.

Всего по России меньшевистские списки получили 3,15% голосов. Едва ли не половина этого (662 тыс. из 1523 тыс.) приходилась на Закавказье, точнее – на Грузию, где меньшевики традиционно были массовой партией. Благодаря сосредоточению здесь «своего» электората они получили в Закавказье 11 депутатских мандатов (в среднем 66 тыс. голосов на один мандат). Даже в таких промышленных гигантах, как Петроград и Москва, меньшевики суммарно набрали около 50 тыс. голосов, хотя имели в обеих столицах партийные центры и лучшие кадры. Если на фронте они получили 3,6% голосов, то деревня о существовании меньшевиков словно бы и не знала. Еще некая часть их голосов была рассеяна по совместным партийным спискам, в том числе с большевиками, но слишком незначительная, чтобы принимать ее в расчет.

Судьба меньшевиков поучительна тем, что она обозначила неприменимость к России классических марксистских идей социалистической революции.

На фоне общей неудачи меньшевизма внутреннее политическое раздробление их голосов малозначимо. Плехановское «Единство», выступая самостоятельно, получило всего около 27 тыс. голосов. Весьма слабыми были позиции левого крыла меньшевиков там, где они рискнули выставить отдельные списки: Москва – 0,3%, Самарская губерния – 0,1%, Тульская – 0,1%, Харьковская – 1,1%, Северный фронт – 0,5%.

Разочарованию не было предела. В меньшевистском «Луче» появилась статья за подписями Ю.Мартова и других, суть которой выражена фразой: «Партия стоит перед лицом великого политического поражения».

Политический кризис меньшевизма, подчеркнутый электоральной статистикой, создавали и лидеры партии. На Чрезвычайном съезде РСДРП (30 ноября – 7 декабря) даже звучали заявления о ее неспособности к какой-либо политической роли. Мартов тогда же писал Н.Кристи: «Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу – большевикам, которые «проще»

и больше «дерзают», словом, по своей демократичности больше приемлемы для широких некультурных масс». Но не только в умеренности и реформизме, в нежелании подыгрывать экстремизму масс была причина провала меньшевиков на выборах в Учредительное собрание. Их судьба поучительна и тем, что обозначила неприменимость к России классических марксистских идей социалистической революции.

Ну а как обстояли дела у кадетов – «партии профессоров», по мнению одних, «партии толстосумов буржуев» – по расхожему мнению?

В целом по стране Партия народной свободы собрала 2 180 тыс. голосов, или 4,5%. Ее влияние концентрировалось в городах, и самые высокие показатели кадеты получили в Москве и Петрограде – соответственно 34,3% и 13,7%. В других округах их процент был заметен только в Петроградском губернском – 13,7, Олонецком – 13,5, Ярославском – 11,7, Пермском – 8,7, а также на КВДЖ с ее сильной чиновно-инженерной прослойкой – 18,0. Напротив, во фронтовых округах доля кадетских голосов снижалась до 1,7%.

Судьба кадетов на выборах заслуживает особого внимания. Это судьба не только политической партии, но и идей либеральной демократии в целом, это проблема альтернативности исторического развития страны. Отвергая «социалистический выбор» для России, кадеты ориентировались на образцы европейской демократии, основанной на разделении властей, верховенстве закона, суверенитете личности. При всем своем «западничестве» кадеты считали необходимым следовать национальным традициям, таким, как сильная государственность, национальное единство и пр. Эта особенность кадетизма, как и политическая его умеренность, привлекала к нему голоса правых кругов, традиционалистов, но она же воспринималась крестьянским большинством российского электората как защита старых, дореволюционных порядков. Деревня не поняла и не поддержала кадетов. Мощный размах «антибуржуазных» настроений в 1917 г., обусловленный целой группой

факторов (влияние социалистической пропаганды, слабость слоя собственников, «разорванность» культуры и пр.), в социальном плане мог быть обращен против каждого, кто чисто внешне отличался от солдата, рабочего или крестьянина, но в политическом плане он был направлен прежде всего против кадетов.

Они как верные западники призывали войти в европейскую цивилизацию, ставя во главу угла политическую свободу, защиту частной собственности. За этими принципами трудовой люд инстинктивно угадывал защиту плутократии спекулянтов, особенно разглагольвавшихся в военное лихолетье.

Большевики добились на выборах едва ли не самой высокой результативности: на каждого партийца приходилось до 30 голосов. Набрал около 11 млн. голосов, они получили 181 мандат и уступили только эсерам. Но были ли они довольны таким итогом?

В публичных заявлениях большевиков в первые дни выборов сквозила уверенность в успехе. Почти бескровная победа восстания в Петрограде, как и кровавая, стоившая тысячи жертв победа в Москве, почти половина голосов в обеих столицах способствовали тому. Все газеты обошла речь А.Луначарского перед рабочими и солдатами, в которой большевистский «соловей» выразил уверенность, что в Учредительном собрании влияние его партии будет преобладающим. По более скромным предположениям ожидалось, что среди 800 депутатов будет до 250 большевиков и левых эсеров.

Ленин еще более сдержанно оценивал шансы партии на выборах, хотя порой готов был допустить, что блок с левыми эсерами «...может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном собрании».

Легко понять, что всего лишь четверть голосов, полученная правящей партией на демократических выборах, — это в любом случае меньше того, на что она рассчитывала. Среди большевиков нарастало разочарование и охлаждение по отношению к Учредительному собранию.

Распределение большевистских голосов внутри страны оригинально, непохоже на другие партии. Это очевидно при наложении карты голосования на админист-

ративную карту России. Ярко окрашенными в большевистский цвет окажутся обе столицы с прилегающими к ним районами, часть Белоруссии и сопредельные с ними Северный и Западный фронты. Далее интенсивность цвета резко ослабевает. Северо-Запад (Петроград, Петроградская, Новгородская, Псковская, Эстляндская губернии) дал большевикам 42% голосов, Промышленный центр (Москва и девять губерний вокруг нее) — 50%. В то же время в центрально-черноземных губерниях этот процент понижался до 15, а на Украине с ее десятью миллионами избирателей — до 10. В обширных губерниях и областях Сибири и Дальнего Востока процент большевистских голосов нигде не достигал среднероссийского показателя. Но из-за своей отдаленности они не могли существенно влиять на общую политическую ситуацию в жизненных центрах страны.

Наибольшее разочарование в большевистских верхах вызвал исход выборов на горнозаводском Урале. В Пермской губернии с ее многочисленными городами-заводами и сотнями тысяч потомственных рабочих они, по некоторым данным, надеялись получить 12 депутатских мест. Однако таковых оказалось лишь 4, еще 11 достались эсерам, и, что еще удивительнее, 2 места завоевали кадеты. Выступая на заседании ЦК РСДРП(б) с секретным докладом по поводу поражения партии в Уральском пролетарском регионе, М.Урицкий сказал: «Урал не оправдал наших ожиданий. В местах, отдаленных от центров революционной работы, Учредительное собрание пользуется большой популярностью».

Но именно очаговость, неравномерность своего влияния большевики сумели обратить себе на пользу, использовав как рычаг для захвата власти. На это указывал Ленин, анализируя в конце 1919 г. итоги выборов в Учредительное собрание с точки зрения военной победы своей партии над значительно превосходившими силами противников. Языком военной тактики он назвал главным условием победы умение обеспечить подавляющий перевес сил в решающих пунктах в решающий момент, наличие большевистских «ударных кулаков» в Петрограде, Москве, на близлежащих фронтах. Добавим, что в тех районах, где

позиции большевиков в целом были слабы, они умели сколачивать «ударные кулаки» локального масштаба, главным образом из гарнизонных солдат, а также городских рабочих.

Электоральная неудача большевиков не может быть объяснена издержками избирательного закона — они получили даже чуть больше депутатских мест (23,7%), чем составляла их доля голосов по стране. Но в политическом плане она требовала оправдания. Указав на отставание массового политического сознания от хода социальной революции, Ленин выделил два сопутствующих обстоятельства: во-первых, ко времени выборов большинство трудящихся «не могло еще знать всего объема и значения» Октябрьской революции, во-вторых, правые эсеры фактически украли голоса левых эсеров. Оба этих тезиса широко использовались ленинцами для дискредитации Учредительного собрания.

Очаговость влияния большевиков перекликается с «красным поясом» России в наши дни. Устойчивость электората КПРФ («зюгановцев») также близка к голосам, поданным за большевиков в 1917 году.

Осенью 1917 г. правые радикалы не играли заметной роли в политической жизни страны, хотя пугалом черносотенной опасности страшали друг друга либералы и социалисты. Выборы в Учредительное собрание позволяют отчасти судить о реальном влиянии правых и отношении к ним населения. Впрочем, в кандидатских списках они чаще фигурировали под нейтральными названиями типа «беспартийные общественные деятели». Наиболее влиятельную силу представлял Союз земельных собственников, к которому тяготели помещики и богатые крестьяне. Он собрал около 200 тыс. голосов, но опять же их распыленность по округам не дала ему ни одного места в ассамблее.

Исход выборов в Учредительное собрание показал, что подавляющее большинство граждан России не разделяло большевизма как доктрины и не одобряло его власть. Но за советские партии высказалась подавляющая часть избирателей. Советы воспринимались как аналог мирского самоуправления, казачий круг. Этим было вызвано

массовое движение под девизом «Советы без коммунистов». Оно получало широкую поддержку трудового люда (на Дону – Миронов, в Таврии – Махно, были еще тамбовские мужики и кронштадские моряки).

Итоги голосования свидетельствовали, что подавляющая часть населения (до 70%) высказалась за обновление жизни мирным путем; сами выборы рассматривались как своего рода братание, примирение, прекращение распрей, кровью залитых социально-классовых и межнациональных конфликтов. Реализация этих народных чаяний обеспечивалась подавляющим перевесом советских партий в Всероссийской сходке, ибо крестьянство воспринимало «Учредилку» по аналогии с привычной мирской сходкой, где сообща разрешались все вопросы. Они и на выборах «всем миром» решали, за какой список голосовать. Учредительное собрание в крестьянском понимании означало укрепление начал народовластия, идущих снизу, от волости, общины вверх - вплоть до самых высших сфер власти, к вершине, острию пирамиды государственной власти.

Политическая элита пренебрегла этим всенародным волеизъявлением (ситуация повторилась затем в 1993 г., орудийные залпы прозвучали как эхо гражданской войны, как новый этап затянувшейся смуты).

Выборы показали (и это особенно важно в государственно-правовом плане), что крестьянский мир однозначно и категорически высказался против своего политического бесправия, крестьяне и после Великих реформ и достижений думского законодательства оказывались вне правового поля (судебные уставы 1864 г. были не для них, волостное земство отсутствовало и т.д.). Крестьянская, мужицкая Русь высказалась против власти господ всех рангов.

Это не было проявлением вражды мистических темных сил, безграмотных «лапотников», для которых «вся политика сводилась к всеобщему поравнению, «черному переделу», которым было недоступно техническое и культурное преобразование страны и пр.

Подобными рассуждениями о «социокультурной примитивности» русской деревни переполнена и новейшая литература, не исключая историографию «Учредилки».

Рассмотрение этого узла сложных вопросов требует отдельного исследования. В порядке постановки вопроса ограничимся двумя замечаниями.

Крестьянство не было в 1917 г. поголовно неграмотным, «темным». Молодежь уже вкусила плоды всеобщего обязательного начального образования, которое широко вводилось в жизнь и щедро субсидировалось Государственной думой. Крестьянство отнюдь не было чуждо техническому оснащению своего труда. Об этом свидетельствуют поразительные успехи кооперации, в том числе производственной. Крестьяне всем миром вступали в кооперативы «на паях», строили маслозаводы, элеваторы, мельницы и т.д. Задолго до ленинских мечтаний они начали превращать Россию в страну цивилизованных кооператоров.

Государственная власть ввремя не поддержала эти народные стремления; самые нужные крестьянские законы застряли в Государственном Совете и с опозданием, без должной энергии вводились в действие Временным правительством. Послав в Учредительное собрание своих представителей и обеспечив им преобладание в нем, крестьяне надеялись добиться удовлетворения своих коренных интересов, преобразования России снизу доверху на началах народовластия, правды-справедливости, общезначимости и вспоможения (сословий, земель, общин-артелей, властей всех рангов и мастей и т.д.).

Крестьянство, в отличие от политической элиты, не связывало реализацию своих надежд, защиту своих интересов с установлением республиканского строя. В бюллетенях, поданных за большевиков, были надписи «Да здравствует президент республики Михаил Александрович Романов!». Голосуя за эсеров – большевиков, то есть за «социализацию земли», крестьяне, опуская бюллетень в урну, осеняли себя крестным знаменем со словами «Пошли Господи России хорошего царя».

5 января 1918 г. в Таврическом дворце собрались участники Учредительного собрания. Прибыло около 770 депутатов, большинство – почти 450 человек – составляли эсеры. Большевицкая фракция насчитывала около 130 человек. Силы соперников

были неравны. За одними было парламентское большинство, за другими – сила власти. Демонстрация сторонников Учредительного собрания была расстреляна. Свердлов, не считаясь с протестами, поднялся на трибуну и потребовал немедленного одобрения декретов Совнаркома. Оппозиционное большинство отвергло ультиматум. Избранный председателем Собрания эсер Чернов призвал депутатов к «единению демократии под красным знаменем социализма». Однако Бухарин и другие большевики отвергли подобное единение и призвали к коммунистической революции. Возражения оппонентов Бухарин объявил «болтовней и воплями». В бурной полемике защитников закона и правового государства не нашлось. Такие понятия, как «цивилизация», «человечность», «культура», ораторы не употребляли. Само слово «конституция» так и не прозвучало под сводами дворца. Большевицкие депутаты, поддержанные левыми эсерами, встали на путь обструкции и покинули зал заседаний. Оставшиеся депутаты в крайней спешке одобрили эсеровский законопроект о земле, объявили Россию республикой, высказались за прекращение войны. Далеко за полночь депутаты были изгнаны из дворца начальником караула – известным анархистом Железняком.

Оправдывая «разгон Учредилки», Ленин утверждал, что было необходимо упразднить высший орган буржуазной формальной демократии и учредить республику Советов как подлинное народовластие. А как получилось на деле? Высший орган советской демократии - Всероссийский съезд Советов принял решение о создании правительства из представителей всех советских партий. Решение не было выполнено. Совнарком был властью одной партии, штыками повернувшейся к другим советским партиям – меньшевикам и эсерам. Начались кровавые разборки, впереди была гражданская война.

